

Глава первая

Первая рассказала мне о них миссис Мей. Нет, не мне. Не могла же это быть я — эта вспыльчивая, неаккуратная, своевольная девочка с дерзким взглядом и дурной привычкой кусать ногти. Кажется, её звали Кейт. Да, так и есть — Кейт. Хотя как её звали, не так уж важно: она почти не участвует в нашей истории.

Миссис Мей занимала две комнаты в квартире родителей Кейт в Лондоне, будучи, как я думаю, их дальней родственницей. Спальня её помещалась на втором этаже, а гостиной служила комната, где они раньше завтракали. В таких комнатах хорошо по утрам, когда солнечные лучи играют на хрустящих гренках и апельсиновом джеме, но после полудня солнце исчезает и комната светится странным серебристым светом, словно уже наступили сумерки.

Тогда в ней появляется что-то печальное, но девочкой Кейт любила всё печальное и частенько проскальзывала к миссис Мей, перед тем как отправиться пить чай, и миссис Мей учила её вязать.

Миссис Мей была старая — суставы у неё почти не сгибались — и... нет, не строгая, просто твёрдо

знала, что хорошо, а что плохо, и это заменяло строгость. Кейт никогда не бывала с миссис Мей своей вольной, неаккуратной и вспыльчивой, и миссис Мей учила её много чему кроме вышивания: как намотать шерсть овальным клубком, как красиво заштопать дырку, как прибрать у себя в ящике и положить поверх всего, от пыли, лист шуршащей папиросной бумаги.

— Почему ты сегодня такая тихая, детка? — спросила однажды миссис Мей у Кейт, сидевшей безо всякого дела на кожаной круглой подушке. — Что с тобой? Ты что, потеряла дар речи?

— Нет, — сказала Кейт, дёргая пуговку на туфле. — Я потеряла крючок для вязания. — Они делали шерстяное вязаное одеяло из отдельных квадратов; надо было связать ещё тридцать штук. — Но, кажется, знаю, куда положила его, — поспешила она добавить. — На нижнюю полку книжного шкафа.

— На нижнюю полку? — переспросила миссис Мей; её крючок неуклонно двигался вперёд, поблёскивая при свете огня. — Недалеко от пола?

— Да, — сказала Кейт, — но я искала на полу. И под ковриком у постели. Везде. Клубок остался. Там, где я его положила.

— Вот те на! — воскликнула миссис Мей. — Неужели они есть и в этом доме?

— Кто — они? — спросила Кейт.

— Добывайки, — ответила миссис Мей, и Кейт почудилось, что на лице старой дамы промелькнула улыбка.

Кейт уставилась на неё с некоторым страхом, но через минуту всё же спросила:

— А такое бывает на свете?

— Какое — такое?

Кейт моргнула.

— Ну... такие существа, которые живут в твоём доме и... берут твои вещи?

Миссис Мей опустила своё вязанье на колени и спросила:

— А ты как думаешь?

— Не знаю, — сказала Кейт, глядя в сторону и изо всех сил дёргая пуговку на туфле. — Конечно, их не может быть. И всё же... и всё же иногда я думаю, что они есть.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что столько вещей исчезает неизвестно куда. Французские булавки, например. Целые фабрики делают булавки, люди каждый день покупают булавки, и всё же, когда тебе нужна булавка, ты никогда не можешь её найти. Где они все? Вот сейчас, в эту минуту? Куда они деваются? А иголки! Не могут же все иголки, которые мама купила за всю свою жизнь — уж, наверно, не меньше нескольких сотен — валяться по дому.

— Нет, не могут, — согласилась миссис Мей.

— А все остальные мелочи, которые мы покупаем! Каждый раз заново. Карандаши, и спички, и сургуч, и шпильки для волос, и напёрстки...

— И шляпные булавки, — вставила миссис Мей, — и промокательная бумага.

— Промокашки — да, — согласилась Кейт, — но не шляпные булавки.

— Тут ты не права, — сказала миссис Мей, вновь взявшись за вязание. — Без шляпных булавок им не обойтись.

Кейт изумлённо взглянула на неё.

— Не обойтись? Почему?

— Ну, на то есть две причины. Во-первых, шляпная булавка — удобное оружие, а во-вторых... — Миссис Мей вдруг рассмеялась. — Но это всё звучит так дико и... и было так давно!

— Расскажите мне, — попросила Кейт, — расскажите, откуда вы знаете о шляпных булавках. Вы хоть раз видели их?

Миссис Мей бросила на неё удивлённый взгляд.

— Конечно...

— Да не булавки! — нетерпеливо воскликнула Кейт. — А этих... как вы их называли... добываек.

Миссис Мей перевела дыхание и быстро сказала:

— Нет, никогда.

— Ну так кто-нибудь другой видел! И вы это знаете! Вижу, что знаете.

— Тише, — попросила миссис Мей. — Ни к чему так кричать! — Взглянув на обращённое к ней снизу лицо, она улыбнулась и, отведя глаза, уставилась в пространство, а потом неуверенно начала: — У меня был брат...

Кейт быстро забралась на подушку с ногами и подобрала подол платья.

— И он их видел?!

— Не знаю, — сказала миссис Мей, покачивая головой, и разгладила на коленях вязанье. — Правда не знаю... Он так любил нас дурачить... меня и сестру, рассказывал нам такие небылицы... — Помолчав, она тихо добавила: — Его убили, много лет назад, на северо-западной границе. Погиб, как теперь говорят, смертью храбрых...

— Он был ваш единственный брат?

— Да, младший. Я думаю, именно поэтому... — Она замолчала на миг, всё ещё улыбаясь своим мыслям. — ...Он и выдумывал всякие невероятные, такие фантастические истории. Он завидовал нам, я полагаю, потому что мы были старше и лучше умели читать. Он хотел нас удивить, а возможно, даже напугать. И всё же было что-то... возможно, потому, что мы выросли в Индии, где столько таинственных легенд... что-то, заставлявшее нас верить ему. Иногда мы знали, что он нас просто дурачит, но чаще мы не были до конца уверены в этом. — Она наклонилась и аккуратно смела золу, высыпавшуюся за каминную решётку. Затем, всё ещё с метёлочкой в руках, снова уставилась на огонь. — Он был не очень крепкий мальчик: в первый же год, когда приехал в Англию, чтобы пойти в школу, заболел ревматизмом, пропустил целый семестр, и его отправили к нашей двоюродной бабушке тёте Софи, что жила за городом. Позже я тоже туда ездила. Это был такой странный старый дом... — Миссис Мей повесила метёлочку на медный крючок, где она всегда висела,

и, отряхнув платком руки, снова взялась за вязание. — Зажги-ка лучше лампу.

— Ещё рано зажигать, — умоляюще проговорила Кейт, наклоняясь к ней. — Пожалуйста, рассказывайте дальше. Пожалуйста...

— Но я уже всё рассказала.

— Нет, не всё. Этот старый дом... он там увидел... этих... этих?..

Миссис Мей рассмеялась.

— Там ли он увидел добываек? Да, так он сказал нам... хотел заставить в это поверить. Мало того: по его словам, не только видел, но даже был близко с ними знаком, став, так сказать, частью их жизни и — в каком-то смысле — сделавшись добывайкой.

— О, пожалуйста, пожалуйста, расскажите мне. Постарайтесь вспомнить. С самого-самого начала.

— Но я и не забывала ничего: до сих пор всё прекрасно помню. Как ни странно, я помню это лучше, чем многие настоящие события своей жизни. Быть может, это тоже настоящие события. Не знаю. Понимаешь, когда возвращались в Индию, мы с братом спали в одной каюте... сестра делила каюту с гувернанткой. Ночи были такие жаркие и душные, что часто мы не могли уснуть и брат часами рассказывал мне о добывайках, повторял их разговоры, вновь и вновь описывал подробности... старался представить, как они поживают, что делают и...

— «Они»? Кто «они»?

— Хомили, Под и маленькая Арриэтта.

— Под?

— Да. Даже имена у них звучали неправильно. Они думали, что у них собственные имена, непохожие на человеческие, но вы сразу слышали, что и имена взяты ими у людей. Даже у дядюшки Хендрири и его дочери Эглтины. Всё, что имели, они

добывали у людей, у них не было ничего собственного. Ничего. И при этом они были очень обидчивы, очень высокого мнения о себе и думали, что являются хозяевами земли.

— Не понимаю.

— Они думали, что мы, люди, созданы только для того, чтобы исполнять всякую чёрную работу... рабы-великаны, предоставленные в их распоряжение. Во всяком случае, так они говорили друг другу. Но брат утверждал, что в глубине души они боялись. Он считал, что от этого они и сделались такими маленькими: от страха. С каждым поколением они становились меньше и меньше и прятались всё глубже и глубже. В давние времена здесь, в Англии, наши предки рассказывали много историй о маленьком народце*.

— Да, я знаю, — отозвалась Кейт.

— В наши дни, — неторопливо продолжила миссис Мей, — если они и существуют, то найти их можно, вероятно, только в старых, спокойных домах, далеко от больших городов и шума; в домах, где жизнь идёт по установившемуся раз и навсегда порядку. Порядок для них — порука безопасности; им очень важно знать, в какие комнаты можно заходить и когда. Они не останутся надолго в доме, где живут неаккуратные взрослые, непослушные дети и домашние животные.

* Так в Англии называли эльфов. — *Здесь и далее прим. ред.*

Тот старый дом был, конечно, для них идеальным... хотя некоторые из них считали, что он чуть-чуть холодноват и несколько пустоват. Тётя Софи была прикована к постели, после того как упала с лошади во время охоты лет двадцать назад. А кроме неё там была только миссис Драйвер, экономка и кухарка, да Крампфирл, садовник. Изредка появлялась на короткое время какая-нибудь служанка. И всё. Когда мой брат приехал туда, ему ещё долго пришлось лежать в постели, и первое время добывайки, по-видимому, не знали о его существовании.

Он спал в бывшей детской, за классной комнатой. В то время классной комнатой больше не пользовались, мебель стояла в чехлах, и там было полно всякого старья — сундуки и сундучки всех размеров, сломанная швейная машина, парта, портновский манекен, стол и несколько стульев, пианола; дети, которые когда-то на ней играли — дети тёти Софи, — уже давно выросли, женились, вышли замуж, умерли или разъехались по свету. Дверь между детской и классной комнатой всегда стояла открытой настежь, и с кровати брату была видна большая картина над камином, изображавшая битву при Ватерлоо, и на стене в углу — шкафчик со стеклянными дверцами, в котором стоял на полках кукольный сервиз, очень старый и хрупкий. Если дверь из классной комнаты тоже оставляли открытой, он видел освещённый коридор, который вёл к лестнице. Каждый день под вечер на площадке

лестницы появлялась миссис Драйвер с подносом в руках, где лежало печенье и стоял высокий графин с доброй старой мадерой. Она несла его в спальню тётки Софи и на обратном пути прикручивала газовый рожок в коридоре, так что оставался лишь маленький голубой язычок, а затем, тяжело ступая, медленно спускалась по лестнице и исчезала внизу.

Там, внизу, в холле, стояли часы, и всю ночь мальчик слышал, как они отбивают время. Это были высокие напольные часы-куранты, очень старые.

Каждый месяц в дом приходил мистер Фрит из Лейтон-Баззарда и заводил их, как это раньше делал его отец, а ещё раньше — дед. Говорили (а мистер Фрит знал это наверняка), что за восемьдесят лет часы ни разу не остановились, и можно было предположить, что они ни разу не останавливались и до того. Главное — не сдвигать их с места. Стена за курантами была обшита дубовой панелью, а пол из плитняка так стёрся от частого мытья за все эти годы, что часы, говорил мне брат, стояли словно на каменной платформе.

А под часами в самом низу дубовой панели была дырочка...

Глава вторая

Э то была дыра Пода... ворота в его крепость... вход в его дом. Не думайте, что дом был поблизости от часов, вовсе нет. К нему вели длинные, тёмные и пыльные, переходы с деревянными дверцами между балками и металлическими воротцами против мышей. Чего только не использовал Под для этих воротец: створку складной тёрки, крышку от шкатулочки для монет, квадратные кусочки дырчатого цинка от старого ящика для хранения мяса, проволочную хлопушку для мух... «Я вовсе не боюсь мышей, — не раз говорила Хомили, — но запаха их не выношу». Напрасно Арриэтта просила позволить ей завести мышку, маленького мышоночка, которого она выкормила бы с рук... «как Эглтина». Хомили сразу же начала грохотать крышками от кастрюль и восклицала: «И вспомни, что с ней случилось!» — «Что? — всякий раз спрашивала Арриэтта. — Что случилось с Эглтиной?» Но на это никто не давал ей ответа.

Только Под знал дорогу к дыре под часами — не дорога, а настоящий лабиринт. Только Под умел открывать воротца. На них были сложные задвижки-застёжки, сделанные из заколок для волос и французских булавок, и только Под знал их секрет. Его жена и дочка вели жизнь без тревог и забот в уютной квартирке под кухней, далеко от опасностей, которыми мог грозить дом над их головой. В кирпичной стене ниже уровня кухонного пола имелась решётка,

сквозь которую Арриэтте был виден сад — кусочек гравийной дорожки и клумбы, где весной цвели крокусы и куда ветер приносил лепестки с цветущих деревьев. Позднее там расцветал куст азалии, и иногда прилетали огромные птицы: что-то клевали, резвились, а порой дрались.

«Ну виданное ли это дело — часами сидеть и глазеть на птиц! — ворчала Хомили. — А когда мне что-нибудь от тебя нужно, тебе всегда недосуг. В моём доме, у моих мамы и папы, не было никакой такой решётки, и слава богу! Ну-ка сбегай принеси мне картошки».

Так она говорила и в тот день, когда, прикатив картофелину из кладовой по пыльному проходу под половицами, Арриэтта сердито пнула её ногой, так что та влетела в кухню, где Хомили что-то готовила, наклонившись над плитой.

— Да что это с тобой?! — воскликнула она сердито, оборачиваясь к дочери. — Ещё немного, и я оказалась бы в кастрюле с супом. И когда я говорю «принеси картошки», я имею в виду именно «картошку», а не картошку.

— Откуда я знала, сколько тебе нужно, — пробормотала Арриэтта, а Хомили, возмущённо фыркнув, сняла с гвоздя на стене половинку сломанных маникюрных ножниц, чтобы срезать кожуру, и проворчала:

— Ты погубила эту картофелину, и мне пришлось её очистить, поэтому откатить назад не получится.

— Подумаешь, важность, — пожала плечами Арриэтта. — Да их там целая куча.

— Вы только послушайте её! Целая куча! Да понимаешь ли ты, — серьёзно и даже торжественно провозгласила Хомили, откладывая «нож», — что твой отец рискует жизнью всякий раз, когда добывает картофель?!

— Я хотела сказать, что у нас в кладовой его целая куча.

— Ладно, что бы ты ни хотела сказать, не вертись у меня под ногами, — буркнула Хомили и опять взялась за нож. — Мне надо готовить ужин.

Арриэтта вышла в столовую — там в очаге уже ярко пылал огонь, и комната выглядела весело и уютно. Хомили гордилась своей столовой. Стены её были оклеены обрывками писем, найденных в мусорной корзине, которые были расположены так, что строчки бежали сверху вниз вертикальными полосками. На стенах висели разноцветные портреты королевы Виктории — марки, несколько лет назад добытые Подом из коробочки на бюро в кабинете. Там стояла лакированная, обитая внутри бархатом шкатулка для украшений, которая служила им стулом-ларём, и незаменимая в хозяйстве вещь — комод, сделанный из спичечных коробков. Имелся и покрытый красной плюшевой скатертью круглый стол, который Под смастерил